

Блогнот. Что на самом деле случилось в бурятском оперном 9 мая

Я была на концерте в оперном 9 мая.

Правда, пока, по горячим следам, я не хотела писать. По своим причинам.

Но когда «о доблестях, о подвигах, о славе» нашего театра опять пишут на федеральных ресурсах, и случившееся в своем ФБ обсуждает сам Артем Варгафтик, вечер, как говорил герой Шукшина, перестает быть томным. Потому что количество тех, кто «сам Пастернака не читал», но точно знает, как было, как будет, и чем сердце успокоится, а следовательно и количество домыслов, лжи, глупостей, агрессии, и даже конспирологических версий, перевалило все допустимые пределы!

Давайте я сначала опишу просто как было. На сцене черный кабинет, на заднике небольшой прямоугольник экрана, у левых кулис рояль. Вышла пианистка, заиграла «Грезы» Шумана, под эту элегичную музыку на экране пошли документальные фото времен Великой отечественной. После ухода пианистки из кулис справа молодой человек вынес микрофон на стойке и пюпитр. Вышла Эржена Жамбалова, сделала преамбулу про малое и большое историческое время, и начала читать письма юноши, нашего земляка, предоставленные Национальным музеем РБ. 10 минут все было спокойно.

Мне в это время написывала дочка, как раз спрашивала долго ли я буду в театре, поэтому время я невольно отметила. В зале начало нарастать какое-то напряжение, которое прорвалось вдруг внезапными аплодисментами в партере. Я посмотрела на часы, была 18-я минута чтения писем. Дальше я за временем не следила, потому что стало понятно — начинается катастрофа. Через какое-то время опять вспыхнули аплодисменты, в левом крыле амфитеатра. Затем стали хлопать в правом крыле, их подхватили.

Наконец захлопали уже везде, и раздалось «хватит», «уходи».

Чтица, видимо, резко сократила читаемое, и интонацией подчеркнула, что последнее письмо написано юношей такого-то числа такого-то года. Строки письма потонули в аплодисментах. Все время чтения на экране демонстрировались листочки этих писем.

Затем Эржена Жамбалова вышла чуть-чуть вперед и объявила произведение Шостаковича, рассказав историю его создания, что композитор приехал в Берлин, писать музыку для фильма, было это в 60-м году, а в Берлине ему рассказали об ужасах концлагерей, и под впечатлением, он музыку для фильма писать бросил, зато написал квартет, и здесь артистка интонационно надала, памяти жертв фашизма и войны.

Все время этого рассказа на экране была фотография довольно молодого, щекастого Шостаковича в... немецкой каске начала 20-го века, кайзеровской, с пикой на макушке.

Вышли музыканты, долго рассаживались, долго просто сидели, по инструменту не настраивались, просто долго сидели. Им захлопали и кто-то громко сказал «начинайте уже»! Наконец, начали. Их слушали, но где-то с середины начали захлопывать, а когда началась финальная четвертая часть, медленная, тягучая, публика сорвалась совсем.

По окончании их выступления к публике вышла Эржена Жамбалова сказать, что вечер подошел к концу и всех благодарят за внимание и поздравляют с днем победы, дальше я не услышала потому, что: а) ее слова потонули в смехе публики, б) я уже больше не могла физически выносить этот позор и выскочила из зала.

Такова фактура. А теперь позволю себе немножко поработать и сделать разбор.

Хорошо, светлая, я бы даже сказала просветленная, музыка Шумана стала контрапунктом к картинам разрушений и смерти, транслируемым на экране. Мы такие как бы уже вознесенные над ужасами, мы уже во власти возвышенной скорби. Повторю, хорошо, пусть так. Но это первое и последнее проявление режиссерской воли во всем этом «действе».

Формат, обстановка на сцене, тема, и вот этот вот вознесенный зачин предполагают лаконизм, отсутствие суеты, и некоторую статуарность. И поэтому появление обычного молодого человека, разумеется, самым обычным образом вынесшего микрофон и пюпитр, что-то там подкрутившего-поправившего, тут же схлопнуло наметившееся было отвлеченное, созерцательное состояние и направление мыслей и чувств.

Появление чтицы градус отнюдь не подняло. Она как-то так появилась, что будто не появилась, а как бы шмыгнула, метнулась. В черном платье с короткими рукавами, с черными волосами, встала на черном фоне. Мы не видим артистку, мы видим пять пятен: из под подола короткие отрезки ног, простите, но не самых уже эстетичных очертаний, отрезки рук, вырез платья под горло, шея пропадает, поэтому сразу над платьем, лицо, обрамленное вполне себе бытовой прической. Как говорит моя подруга, художник по костюмам, — «голова не решена».

Да, собственно, весь облик не решен!

Эржена Жамбалова

Для непосвященных — существуют некие законы жанра. Если вы посмотрите моноспектакли или чтецкие программы больших актрис, заметите, что руки у них почти всегда закрыты до запястий, ноги преимущественно тоже закрыты. Ничто не должно отвлекать от единственных, в этом случае, инструментов артистки — лица, глаз, рта. Ничто не должно отвлекать от слова и от смыслов. Но при этом, всё должно приковывать внимание к артистке.

Канонический пример того, какое значение имеет наряд актрисы описан в романе Мозма «Театр». Это не значит, что Жамбалова должна была выйти в платье из серебристой парчи с алым шарфом, но подумать о том, что надо как-то «отбиться» от черного фона просто должны были и режиссер, и сама чтица. Цветом, формой, стилистикой. Одежда на сцене никогда не одежда, но всегда Образ. Всегда. Это железно. Образ кого создавала артистка Жамбалова в платьице девичьего фасона, читая письма юноши, будучи дамой сильно бальзаковского возраста?

Есть еще один канонический пример значимости таких «мелочей». На прощальном концерте Клавдии Шульженко последнюю песню не объявили, но певица стремительно выдвинулась из-за кулисы воздев над головой руку в которой реял небольшой лоскут ярко-василькового цвета! Зал не встал, зал взмыл, вознесся!...

На сценическом языке все это — платье, его фасон, длина, цвет, прическа, какие-то предметы, все это называется знаками, кодами. Мы в театре разговариваем с публикой кодами для того, чтобы общаться на одном языке, чтобы объединить и объединиться.

И это профессиональная азбука. И удивительно, что постановщик Бочаров, ученик Владимира Мирзоева, видимо, азбуку не знает. НИ ОДНОГО КОДА в этом «действе» не было. Ни один знак не объединил зал и сцену. А ведь тема-то не письма! Тема прямо как Пушкин писал — судьба человеческая, судьба народная! Тема — наша с вами общая боль, общее горе, горе, которое мы всей страной до сих пор избыть не можем, наша общая цена победы.

И не надо было произносить никаких отдельных слов про какие-то там исторические времена малые

и большие, про то, что из судеб таких вот мальчиков складывалась наша победа — это все демагогия и общее место! Мы это и сами вам расскажем, потому, что нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой. Кому тут вышли назидать?! Детям войны? Тем, кто с этим знанием родился?

Кто в детстве своими глазами видел бомжующих, безногих фронтовиков на низеньких «пуфиках»-каталочках, побирающихся на центральном рынке, возле центрального универмага, возле гастронома на ул. Ленина, где сейчас «Полином», на вокзале. Тем, кто видел, как пленные японцы мостили ул. Кирова, где сейчас Гэлэкси, и строили оперный театр. Тем, кто помнит вечное чувство голода и продуктовые карточки. Это им, как дегенератам, разжевывали из чего складывалась победа?

Михаил Турошев

Надо было ТАК ЧИТАТЬ эти письма, чтобы на третьем письме зал не дышал, потому что ком в горле. И если уж письма 18-летнего паренька почему-то читает матрона, то, наверное, и режиссер, и артистка, должны были, как это у нас, у театральных, называется, оправдать такое решение.

Как минимум, первое, что приходит в мою, не сильно озабоченную поиском режиссерского ключа и актерского хода, голову, это то, что артистке, матери троих детей, бабушке внуков, вполне органично было бы читать эти письма с позиции матери, которой всё, что осталось вместо сына, вот это его нехитрое банальное бытописание, и она читает — буква к буквке. Год за годом.

И тогда артистке бы не пришлось придумывать какую-то дурацки фальшивую интонацию, какое-то дурацкое придыхание, как будто это письма не юнца, который не стеснясь пишет матери про то, как ему скучно в праздник без водки, а какого-то чебурашки. И тогда за каждым письмом вставала бы не одна, а две судьбы, два человека. И тогда, возможно, были бы оправданы и стали бы понятны и монотонность чтицы, и бесконечное однообразие текстов — матери-то не то, что каждая буква, каждый пробел дорог! Или какое-то другое решение, другой ход, режиссер и актриса ДОЛЖНЫ были найти. Если они профессионалы, конечно.

А тексты однообразны потому, что никакой литературной композицией себя ни режиссер, ни артистка не утрудили. Письма писал не литератор, не умудренный жизнью муж, то, что их автор погиб на войне не делает письма автоматически содержательными настолько, чтобы читать каждое письмо от начала

до конца подряд. Содержательность текста произносимого со сцены надо было намыывать, как золото. Это труд. Из «намытого» надо было составлять драматургию, осложненную соблюдением хронологии. Это еще более тяжкий, кропотливый труд. Я бы даже сказала, это головняк.

А зачем артистке и режиссеру головняк? Это же на один день затея. Выйти и сбацать. Какие проблемы?

Как говорится, при красоте такой и петь ты мастерица. Что ж не сбацать.

У Эржены Жамбаловой есть такая фанаберическая идея про саму себя, что все люди, как люди, а она одна такая невозможная, что и к умным, и к красивым. Так вот 9 мая публика показала, что нет, не невозможная, а банально обыкновенная.

Мастерство не пропьешь, только когда оно есть. А последние лет 30 Жамбалова как мастер, Господи, прости(!) художественного слова, если где и блистала, так это на закрытых корпоративах, и в кабинетах министерки культуры и главы «супер» республики. Но заколдовывать этих неофитов непонятными им словами это одно. А ХУДОЖЕСТВЕННО произносить со сцены не художественный текст, поднимать его из бытовщины на уровень искусства, на уровень исторического свидетельства, на уровень мемориала, расширять каплю до масштабов океана — это представляете каким уровнем мастерства надо обладать?!

А мастерство, это не сбацать раз в 30 лет. Это ежедневный, постоянный тренинг навыков и приемов, постоянный «сход-развал» профессионального аппарата, постоянная включенность, постоянное развитие — новые творческие задачи, новый материал, новые темы, и постоянное ученичество. Потому что есть еще один закон актерского ремесла — качественная чтецкая работа делается с педагогом по сценической речи. Долго объяснять почему, просто поверьте. Это как, допустим, в хирургии. Вроде бы все хирурги, но вы не пойдете делать операцию на сердце к челюстно-лицевому хирургу.

Разумеется, в той работе, которая была представлена 9 мая Жамбаловой и Бочаровым, никаким «хирургом» не пахло. А зачем? Это же на один раз. Выйти и сбацать. Ну, сбацали, а публика оказалась не пипл. Не схавала. Опять же, если бы режиссер и артистка озаботились музыкально-визуальным оформлением чтения, может, и прокатило бы.

Послушайте, проект совместный с национальным музеем. Когда моя мама понесла в нацмузей документы своего дяди, ставшего председателем правительства РБ после ареста Ербанова, их не взяли. Потому что у них всяких таких документов, как гуталина у дяди Кота Матроскина. Так неужели в национальном музее одна только фотография одного только солдата и только его письма?! Ну нет же. Так зачем нам говорить с легким подвывом, отдельные слова о том, что в судьбе этого мальчика отразились судьба тысяч других наших мальчиков, что их было целое поколение. ПОКАЖИТЕ нам этих мальчиков, покажите это поколение наших земляков, наших родных!

Владимир Бочаров

Вы посмотрите какой бесконечно ценной становится лента в фейсбуке 9 мая — мы смотрим и смотрим в лица далеких близких наших друзей, а иногда и недругов, мы восхищаемся, обнимаемся, плачем, поддерживаем, сочувствуем. Наши далекие близкие нас объединяют! А вдруг бы в зале оказались младшие братья и сестры показанных на экране, ведь подавляющее большинство публики были люди рожденные в 40-е. Дети войны... Кто-то бы прочел знакомую фамилию, кто-то увидел бы название своего села, района, улицы. Богатейший архив у национального музея, документов, артефактов, повторю, как того гуталина.

Но нет, это же надо вывесить целый экран только для того, чтобы бездарно воспроизводить на нем одни и те же листочки бумаги с неразборчиво написанными словами. Конечно, ведь для того, чтобы создать плей-лист видео-трансляции надо же зарыться в документы. Это труд. Тяжелый, эмоционально затратный, кропотливый. И из этих документов потом тоже драматургию составлять. А зачем? Это же на один день. Выйти и сбацать. Ну, сбацали.

Про саунд-дизайн я уже говорить не буду. Потому что его просто не было. Ну то есть вся ставка была сделана только на голос и интонации артистки, а что оно все из себя представляло, уже сказано. В тоже время говорить о том, какое значение в современной театральной эстетике имеет звук, шумовые и звуковые партитуры, уже даже как-то неприлично, настолько это неотъемлемая часть сценического действия.

Добавлю про видео-ряд, который пошел на музыку Шостаковича. Во-первых, почему рассказ о том, как композитор сочинял сопровождается его фото в кайзеровской каске, что этим хотели сказать нам чтица Жамбалова и режиссер Вова Бочаров — эта «глубокая» мысль осталась публике недоступна. Причем, настолько, видимо, было лень, что из всех фото композитора, выбрали для демонстрации только одну. Хотя есть фото Шостаковича здесь, в Улан-Удэ.

Ну, не доросли мы до полета мысли режиссера. Дикие люди.

Во-вторых, непосредственно во время исполнения квартета, официально/формально посвященного памяти

жертв фашизма и войны, написанный, если верить Жамбаловой, под впечатлением от рассказов об ужасах концлагерей, нам на белом экране показывали: пистолет, перочинный нож, подтяжки, кружку, ложку, мыльницу, фляжку, снова пистолет, или револьвер, кусок вроде бы мыла, кусок хлеба. То есть, высокая идея этого видеоряда заключалась, вероятно, в том, что это не просто предметы быта, а артефакты войны. Но знаете, как-то что-то не срасталось, как-то что-то пошло не так.

Квартет был исполнен посредственно. Музыканты добросовестно воспроизвели ноты и темпы. За что им, конечно, большое спасибо. Дмитрий Дмитриевич в аллегро второй части и аллегretto третьей, не музыканты, а именно шостаковическое звучание, зрителя захватило было, но тут начался финал, который звучал не как глубокая скорбь, а, простите, как сильные зеленые сопли...

И публика вышла из берегов.

Выйдя из зрительного зала первое, что я сказала, это то, что организаторы вот этого вот всего, не придумают ничего лучше, как на весь мир объявить публику дурой. Что Вова Бочаров и не преминул сделать.

Теперь про публику. Как уже было сказано выше, подавляющее большинство публики составляли пенсионеры, дети войны. Так организованно они попадают в театры через советы ветеранов и профкомы по месту своих бывших работ. На эти советы и профкомы выходят распространители билетов, когда через кассу билеты не продаются, а зал забить надо.

Уже ни для кого не секрет, что этот фестиваль продается плохо. На концерт Агунды Кулаевой, например, подвезли солдатиков. Что, конечно, хорошо для солдатиков. Да в общем-то и театру неплохо, как говорится, одним махом семерых убивахом.

Убеждена, что концерт 9 мая так и вовсе не продавался, да и в целом, конечно, целевая публика 9-майских концертов, это как раз пенсионеры. Советы ветеранов, когда созывают свои ряды на такие мероприятия, тоже нажимают на коды — праздник, концерт, оперный театр. Поколение 60-70-летних, твердо держится стереотипов и в силу возраста, и в силу воспитания. Их убеждение, что в оперном театре поют и танцуют. И точка. А 9 мая все поют Катюшу и Казаки в Берлине, и танцуют русскую. И точка.

Министр культуры
Бурятии Соелма
Дагаева с директором
оперного Эрженой
Жамбаловой

И еще они невероятно упертые, если что-то пошло не в соответствии с их ожиданиями, они будут требовать, чтобы это что-то немедленно стало соответствовать. Требовать будут громко, гневно, и неугомонно. И, да, нагло. Давайте правде в глаза посмотрим честно — наши старики самые невоспитанные, самые наглые и постоянно взыскующие члены общества. Они постоянно в претензии, им все всё должны. И тут ровно по поговорке — не они такие, жизнь у них такая. Их же постоянно обманывали и обманывают.

Поэтому они так нетерпимы уже даже к намеку на обман, так не переносят разочарование. И с этим ничего не поделаешь. Да, в стерильно лабораторной ситуации они могли бы из уважения к памяти этого Миши Турошева часик посидеть и помолчать, подремать, наконец. Но ситуация была не стерильна, а они люди с изношенными нервами. И в их возрасте эгоизм сродни младенческому — я хочу, мне надо, и я ничего знаю, дайте мне мое!

Если бы руководство театра планировало такой нетривиальный ход на 9 мая профессионально, а не, как это у нас принято, на коленке, то надо было менять целевую аудиторию, и, соответственно, менять стратегию продаж. А зачем? Мы выйдем, сбцаем, пипл пусть еще спасибо скажет. Ну, и в целом, меняй стратегию, не меняй, очевидно, что в театре провалена работа со зрителем, как таковая. Провален пиар именно этого концерта. Провалена его концепция, да это и не концепция. Вот тут я нас рояль, вот тут у нас чтица, а вот тут квартетик — к такой «концепции» так и подмывает дописать «а вот тут я рыбу заворачивал».

...Я пыталась в вестибюле разговаривать с некоторыми зрителями, что-то объяснять. Во-первых, они ничего НЕ ХОТЯТ слышать. А во-вторых, и вот тут я просто снимаю перед ними шляпу, они все правильно считали! Их возмутило отношение устроителей концерта, то, как они его подготовили.

Они прекрасно поняли пустоту Жамбаловой, ее самонадеянность и пустозвонство, умничание и неумения Бочарова, равнодушие и отчужденность заезжих музыкантов, и это общее отношение к публике как к биомассе, которая все сожрет, что не кинь.

Дело не только в том, что публика ожидала победнобесной попсы, а в том, что публика считала вот это в общем-то не сильно и скрываемое неуважение и равнодушие и к ней, и к теме, и к Шостаковичу, и к этому бедному парню, ставшему разменной монетой, простите, потреб**дства. И публику это взбесило.

Хотите убедиться? Посмотрите на афишу. Кто на ней главный? Миша Турошев? Он даже не упомянут. Зачем? Кто такой? А ведь его имя и фото должны быть на этой афише. Это он, Миша, приближал день победы, как мог. Это его день. Это день Шостаковича. Но его фамилия предпоследней строкой идет, а его произведение самой последней и таким шрифтом, чтобы никто и не заметил. Поскольку афиша, это коммуникация, то театр коммуницирует, что хочет обмануть, хочет заманить на праздничный концерт, на Жамбалову, звезду, но подсунуть какой-то квартет какого-то Шостаковича. Вот такие сигналы нам транслирует театр.

Видимо, вот это все затевалось, как день победы Эржены Жамбаловой. Но что-то пошло не так). На этот раз не получилось,, как любит говорить Жамбалова, схрамчить, наперсточное «кручу-верчу, обмануть хочу» засбоило.

Время такое, день такой — нельзя обманывать.

Хотя, впрочем, они победили. Они, как говорится, заборол, и Мишу Турошева, и память о нем, и музыку публику, выставив ее перед всей страной вандалами и моральными уродами. В этом театре или забыли, или не знают, скорее всего, не знают, еще один закон — за провал ответственность несет театр.

Даже если режиссер и артисты, и все цеха сработают идеально, но провал случился, ответственность не на публике, а все равно на театре. Потому что на самом деле публика никогда не знает, даже, когда она стучит ногами и требует чего-то, она не знает, что театр создает запрос публики. А запрос этот один — катарсис. Театр для этого и был придуман человечеством.

И потому есть еще один закон театра — низко и бесчестно публику использовать в качестве фигового листка, чтобы прикрыть свою бездарность и профессиональную беспомощность, свою безответственность. В конце концов, как говорится, связи связями, но надо же и совесть иметь.

А вообще, конечно, молодой человек Вова Бочаров обладает уникальным талантом, несколько лет назад он поставил провальный спектакль в бурдраме по «Игроку» Достоевского, год назад полную компиляций и эпигонства скучную и вялую «Травиату», сейчас провалил концерт к такому важному дню, но зато срежиссировать скандалище на всю страну, ославить публику для которой он еще ничего не сделал, выставить пожилых людей дураками и дикарями, это у него получилось на два счета.

Молодец, далеко пойдет парень.

Автор: Туяна Будаева

Автор: Андрей Светлов   © Babr24   КУЛЬТУРА, СКАНДАЛЫ, БУРЯТИЯ   👁 50994   11.05.2021, 14:58   📌 1322
URL: <https://babr24.com/?ADE=213682>   Bytes: 25144 / 24286   Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Бурятии:

bur.babr@gmail.com

Автор текста: **Андрей Светлов**, политический обозреватель.

На сайте опубликовано **1844** текстов этого автора.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)